Тюляев Александр Викторович – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Российской правовой академии Министерства Юстиции Российской Федерации (г. Хабаровск). Тел.: (4212) 22 91 72

A.V. Tulyaev

Transformation of the regional elites of Khabarovsk territory: forms, strategies, trends

The article deals with the trends and principles of transformation of the regional elites in the post-Soviet years. The characteristic of different groups of elites is given, hierarchy of the elite groups and their function concerning the population of the region is defined.

Keywords: elites of region, typology, social groups, social strategies, social institutes, elite groups.

Трансформация региональных элит в Хабаровском крае: формы, стратегии, направления

В статье рассматриваются направления и принципы трансформации региональной элиты в постсоветские годы. Дается характеристика различным группам элит, определяется иерархия элитных групп и их функция по отношению к населению края.

Ключевые слова: региональные элиты, типология, социальные лифты, социальные стратегии, социальный институт, элитные группы.

Элитные группы, сложившиеся в социальном пространстве, в данной социальной общности не только осуществляют влияние, управление социально-экономическими процессами на территории, не только принимают социально значимые решения, но и выступают зримым воплощением успеха [1]. Именно на них ориентировано население в том случае, когда путь попадания в элитную группу более или менее очевиден («прозрачен социальный лифт»). Структура элиты выступает условием и показателем престижности той или иной формы деятельности, задает критерии достижительной активности. Исходя из представлений об элитах, выстраивается иерархия престижей, более или менее очевидное представление о «социальной лестнице».

Ориентируясь на эти представления, социальный агент осуществляет выбор, выстраивает стратегии поведения, организует социальную коммуникацию со «своими» и «чужими», осуществляет социальную идентификацию.

Соответственно, именно наличие и устойчивость элитных групп, ясный принцип попадания в эти группы и отработанные формы коммуникации между элитой и сообществом, а также между элитными группами формируют (задают) социальную структуру и социальную стратификацию. В этих условиях элита выступает как сформировавшийся социальный институт, во многом детерминирующий и легитимизирующий существование всех других социальных институтов. Однако отсутствие одного из этих параметров ведет к качественной деструкции и критериев социальной стратификации, и условий функционирования институциональной системы общества.

В ситуации, когда отнесение к элитным группам является проблемным, когда отсутствуют четкие критерии такого отнесения, начинают «замутняться» сами ориентиры успешности. Социальная реальность приобретает черты непредсказуемости, «общества риска», где успех – это случайность, а не результат осознанных усилий индивида.

В еще более сложной ситуации оказывается общество в случае отсутствия четкого механизма отбора, рекрутирования в элитные группы. Здесь формируются две не пересекающиеся между собой реальности: реальность элиты и реальность населения. Каждая из них существует по своим закономерностям, выступая для другой в качестве системы «неформальных отношений». Легальное законодательство, фиксирующее «среднее арифметическое» между этими реальностями, не имеет легитимности и нарушается и с одной, и с другой стороны. И бытовая коррупция, и коррупция власти достигают в этих условиях чудовищных размеров, превращаясь в стандартную форму существования общества. Собственно, закон становится здесь «высшей планкой риска» [2], за которой социально-экономическая активность прекращается. Подобное положение дел далеко не всегда ведет к фатальным последствиям. Оно, в принципе, может устраивать обе стороны. Если у элиты есть некий внешний ресурс, позволяющий ей осуществлять деятельность, не вторгаясь в социальное пространство масс, а массы включены в распределительную систему или обладают собственными («серыми», «теневыми») источниками существования, то консенсус может быть достигнут. Здесь возникает нечто, подобное «гомеостазу» Л.Н. Гумилева. При всей внутренней стабильности такого существования оно оказывается крайне хрупким по отношению к любым внешним изменениям или внутренним конфликтам. Так, падение цен на энергоносители в конце 80-х – начале 90-х годов стало толчком к развалу отечественной экономики. Нечто похожее можно отметить и в 2008 году.

К сожалению, эти черты во многом присущи и современной российской элите. Так, проведенный ВЦИОМ в 2009 году

Всероссийский опрос показал, что выделение элиты в стране носит персональный, а не стратовый или групповой характер. В топ-10 российской элиты попали В.В. Путин (67,4%), Д.А. Медведев (50,6%). Но, кроме них, там оказались певцы, футболист, кинорежиссер, патриарх и т. д. [3]. Иными словами, в элитную когорту входят не политики, но В.В. Путин, Д.А. Медведев и С.К. Шойгу, не артисты, но А.Б. Пугачева, не кинорежиссеры, но Н. Михалков. Такой персоналистский характер элиты делает доступ в ее ряды совершенно непрозрачным, связанным с «везением», а не системой осознанных усилий. Столь же «непрозрачным» выступает и канал социальной коммуникации между элитой и массами.

Все это делает невозможным выстраивание длительных социальных стратегий, ориентированных на восходящую мобильность. События, связанные с массовыми выступлениями «фанатов» в Москве, по существу, стали стихийным ответом молодежи и подростков на жесткие «стеклянные потолки», выстроенные в обществе.

Но в еще более сложном положении оказывается региональная элита. На нее возложена двойная функция. Она должна организовывать местное сообщество и, одновременно, организовывать коммуникацию с центральной элитой, от которой она получает свою легитимность. Иными словами, региональная элита не только организует местное сообщество, но и определяет условия включения местного сообщества в макросоциальную общность (страна, народ, государство). Эта двойная задача и двойственность самой региональной элиты особенно ясно видна в истории Дальневосточного региона.

Дальневосточный регион, как показал Г.Э. Говорухин, не столько осваивался, сколько маркировался, как принадлежащий России [4]. Его политическая функция всегда была сильнее экономической логики. Руководство крупнейших заводов и иных предприятий региона (золотоносные прииски, железнодорожные и судоремонтные мастерские и т. д.), политическое руководство региона, как правило, составляли приезжие. Для них регион представлял только этап на карьерном пути. Иногда – крайне важный этап, как для генерала П. Унтербергера, который с гораздо меньшим успехом руководил Самарской губернией. Иногда – только эпизод, как для графа В. Радзивилла, недолго руководившего кадетским корпусом в Хабаровске. Даже боготворимый в регионе граф Н.Н. Муравьев-Амурский прожил здесь менее семи лет. Эта тенденция сохранялась и в первые годы советской власти. Сакральные фигуры советского периода – И. Уборевич и Ян Гамарник – прожили в регионе менее 3 лет. Такими же временными людьми на Дальнем Востоке были и первые руководители предприятий, организаторы производства, которые в случае удачи получали повышение и перевод «в центр», а в случае провала расстреливались.

Представители научного и культурного истеблишмента тоже отнюдь не стремились укореняться в регионе. В период Российской империи это, по большей части, были ссыльные (например, этнограф И. Штейнберг). В советский период – либо командированные, либо бывшие заключенные. Вполне понятно, что при первой же возможности они покидали регион. Столь текучий характер элит дополнялся и сам по себе, был толчком для столь же сильного стремления основной части населения к «возвращению». И элита, и массы региона были существенно сильнее привязаны к месту исхода и потенциального возвращения, чем к новому месту жительства. В такой ситуации для элиты макросоциального центра был существенный и вполне утилитарный смысл. Крайняя удаленность и достаточно слабый уровень развития коммуникаций делали контроль над развитием территории проблематичным. По существу, центральная администрация, разрабатывая планы развития Дальнего Востока, постоянно создаваемые и не выполняемые [5], вынуждена была ориентироваться только на отчеты местных руководителей. Для обеспечения их лояльности и проведения сколько-нибудь последовательной политики в регионе и создавалось ощущение временности. Пребывание в регионе для чиновничества, военных и т. д. воспринималось как испытание на пути нового карьерного взлета за пределами региона.

Понятно, что в таких условиях успешными воспринимались только те, кто сумел «вырваться», а внутренняя ценностная шкала не формировалась. С большей долей вероятности можно говорить об «отложенных ценностях», которые формировались у местных жителей [6]. Вполне вероятно и то, что социальная мобильность была теснейшим образом связана с формальной структурой общества. Ведь наиболее успешными предпринимателями были те, кто получал казенные подряды. Чиновный рост выражался только формальным способом. Неформальные отношения играли здесь существенную роль, но не имели легальных форм выражения. Они существовали, как некие «социальные невидимки» [7].

В неформальном виде складывалось взаимодействие между элитами различной природы (политической, экономической, научно-художественной). Неформальные же отношения позволяли выживать населению региона, которое зарабатывало на жизнь именно в тех видах деятельности, которые «не существовали» в отчетах чиновников [8].

Иначе говоря, элита региона, как и масса, пребывала в регион извне. Но масса, как правило, пребывала иными путями и на более длительные сроки. В силу слабой заинтересованности элиты в создании приемлемых условий проживания в регионе и ориентации на отъезд, ее отношения с массой носили консенсусный характер. Вместо выстраивания канала рекрутирования элиты из местного населения,

устойчивой коммуникации между ведущими и ведомыми возникал своеобразный «договор о мирном сосуществовании». Смысл его был в следующем: население позволяло власти (элите) благополучно отчитываться перед назначившим ее центром, набирая «очки» для последующей успешной карьеры, власть старалась (по возможности) «не замечать» те нарушения, которые позволяли населению выживать в крае. Приведем несколько примеров. Так, деятельность металлургических предприятий в регионе в XVIII столетии была призвана обеспечивать нужды Камчатской экспедиции, но обеспечивала орудиями труда местное сельскохозяйственное население. Приграничное казачье население было необходимо, с точки зрения столичного начальства, для защиты границ империи от проникновения китайцев. Но для освоения нетронутой тайги, в которой выделялись фантастические дальневосточные «десятины», казаки были вынуждены нанимать тех же китайцев. Причем, и в первом, и во втором случае это делалось с негласного дозволения начальства.

Здесь проявляется еще одна важная функция региональной (дальневосточной) элиты – выступать защитниками местного населения от центральной власти, посредниками в переговорах с ней. Именно «защита» населения от внешней угрозы становилась основанием для консенсуса между элитой и массой. В то же время, внутреннее пространство региона оставалось аморфным и институционально не оформленным [4]. С точки зрения элиты, в этом не было нужды. Достаточно было создать некоторый благоустроенный участок-реальность (центр губернской столицы, крупного города) и отгородить его от нежелательных вторжений. Остальной же части региона дозволялось существовать самостоятельно. Население, ориентированное на выживание, решение насущных проблем самообеспечения также не особенно жаждало обустраивать Восток России. Показательно, что мероприятия губернатора П.Ф. Унтербергера, направленные на создание в регионе системы образования (начального) и здравоохранения, развитие транспортной инфраструктуры, встречали достаточно серьезное сопротивление именно со стороны населения, которое предполагалось облагодетельствовать [9].

Ситуация несколько меняется в период брежневского «застоя». Элита укореняется. Крайняя замедленность карьеры в эту эпоху приводила к тому, что местные связи усиливались, а связи «первых лиц» и места бывшего проживания ослаблялись. Начинается процесс рекрутирования элиты из местного населения. Каналом восходящей мобильности выступал комсомол, административная деятельность на крупнейших заводах, профсоюзная активность. Несколько менее активно формировалась интеллектуальная элита. Ведущие журналисты,

крупнейшие ученые и деятели искусства по-прежнему прибывали в край «по распределению» из ведущих вузов страны.

Формируется несколько групп элиты, находящихся между собой в достаточно сложных отношениях [10]:

- Партийно-комсомольская элита, являющаяся ведущей элитной группой в регионе, задающей принципы и формы межэлитной коммуникации и коммуникации между элитами и населением. В ее состав, по экспертным оценкам (25 неформализованных интервью с бывшими деятелями партийных и хозяйственных органов, работниками городской и краевой администраций), включались партийные и комсомольские руководители, начиная с уровня райкома. Эта группа обладала наибольшим «кадровым резервом» среди местного населения в виде партийных и комсомольских «ячеек», «бюро» и т. д. Существовали отработанные механизмы рекрутирования «во власть», критерии отбора и прохождения различных ступеней карьеры.
- Директорский корпус, организующий хозяйственную деятельность в крае. Среди этой группы особым статусом обладали директоры предприятий «союзного» или «республиканского» уровня. Они не только располагали несравнимо большим объемом ресурсов, нежели любые иные структуры, но и подчинялись партийной инстанции более высокого уровня, чем краевая партийная инстанция. Наличие ресурсов и относительная автономия делали необходимым организацию переговоров с ними со стороны партийных и советских органов власти.
- Советские органы власти, исполкомы. Эта элитная группа в ретроспективных интервью оценивается респондентами, как наименее влиятельная. Лишь в краткий период конца 80-х – начала 90-х гг. именно исполкомы оказывались идеальной «площадкой» для стремительного карьерного старта. Так, именно с этих площадок началось восхождение во власть полномочного представителя Президента РФ В.И. Ишаева и мэров двух крупнейших городов края Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре. Впрочем, хозяйственная деятельность в исполкомах и советах осмысляется респондентами, как временное, переходное состояние социального агента.
- К элите края в поздний советский период примыкали и достаточно разнородные группы, которые условно можно объединить под рубрикой «культурно-научный истеблишмент». Сюда можно отнести ректоров краевых вузов, директоров НИИ, руководителей театральных и концертных коллективов, руководителей отделов народного образования и т. п. Эпизодически в состав элиты включались отдельные представители художественной и научной интеллигенции, спортсменов, добившиеся высоких государственных наград. Но самостоятельной роли меритократии они не играли. Показательно, что «расплачивались» с ними должностью.

- Достаточно высоким статусом обладал и высший командный состав ДВО, однако, влияние его на жизнь населения края в поздние советские годы было не особенно высоким. Его представители были слишком интегрированы в армейскую структуру, ощущали свою временность пребывания, а потому не слишком стремились к коммуникации с иными элитными группами и населением.

Между этими группами и осуществлялся «круговорот элит». Необходимо отметить, что, в отличие от традиционного уже мнения, попадание в «номенклатуру» отнюдь не было абсолютно закрыто для внешнего агента. Оно не было безусловным, но было вполне вероятным при выполнении определенных, общеизвестных условий: отличная учеба, комсомольская или профсоюзная активность, успешная работа, отсутствие взысканий и… немного везения. Мы не задаемся вопросом о том, насколько вероятна была успешная карьера для дальневосточника. Важно то, что она мыслилась как реальная. Тем самым элитные группы в различных видах деятельности начинали детерминировать социальную активность населения. Получение бытовых благ было возможно при получении должности, но последнее мыслилось как возможное. При всем том, что стереотип «успешного отъезда» не был вытеснен, он был несколько ослаблен. Представители элитных групп, хотя и готовили себе «запасной аэродром» в столицах, не афишировали это. Сам состав «первых лиц» в крае был достаточно стабильным. В этих условиях существование элит приближается к институциональной форме. Оно не только задавало коммуникацию и обладало полной легитимностью, но и задавало ориентиры восходящей мобильности населения. Не случайно, именно 80-е годы оцениваются респондентами как наиболее стабильные и благополучные для края.

Ситуация «взрывается» в начале 90-х годов. Более 10% населения покидают регион в течение нескольких лет. Резко сокращается социальная поддержка населения со стороны крупнейших предприятий. Сами предприятия переживают не лучшие времена. Сокращается число работников. Огромные массы населения начинают процесс приспособления к новым условиям существования [11]. И элитные группы здесь не исключение. В предшествующем параграфе мы отмечали достаточно сильную устойчивость персонального состава элитных групп. Однако, во-первых, эта устойчивость не абсолютна, в состав элиты включилось достаточно много «новых людей», не только «вторых лиц», ставших первыми. Во-вторых, сохранение элитного статуса в течение первой половины 90-х годов было проблемой, которую элита должна была решать.

Можно выделить несколько стратегий решения этой проблемы:

- Попытка сохранения статус-кво, характерная для ряда руководителей парторганизаций «последнего призыва» и директората.

Эта стратегия оказалась самой неуспешной. Постепенно «коммунисты» лишились своего электората и не обзавелись новым, а директоры либо ушли, либо исчезли вместе со своим предприятием.

- Конвертация властного ресурса в экономический ресурс, а власти в собственность. Здесь, как и по всей России, наиболее активными были «комсомольские вожаки», приватизировавшие наиболее доходные предприятия. Подобным образом действовали и многие партийно-хозяйственные номенклатурщики, да и ряд деятелей «теневого бизнеса». Региональная стратегия, практически, не отличалась от общероссийского варианта.
- Конвертация властного ресурса в политический (представительский), легитимизация собственной власти через выборы. В определенный момент времени эта стратегия казалась оптимальной. Однако уже к концу 90-х годов стало понятно, что представительская власть, депутатский мандат, чаще всего, лишь способ попадания «на должность» в бюрократическую иерархию.
- Сохранение прежних функций в иерархии при смене названия должности. Такое положение было возможно при некоторых уникальных профессиональных навыках и «втором» уровне управления. В целом, эта ситуация не очень типична. Придя во власть (бюрократию), представитель «новой номенклатуры» стремился опереться на «своих». Соответственно, «свои» оказывались бывшими работниками только в варианте, когда первый секретарь становился губернатором. Как мы постарались показать выше, этот случай, хотя и встречается, но не является всеобщим правилом. Так, в Хабаровском крае, хотя В.И. Ишаев и «стартовал» с крайисполкомовской должности, долгие годы опирался на выходцев из «своего» завода и на директорский корпус в целом.

Однако, несмотря на то, что значительная часть поздней советской элиты сохранила свои позиции, смогла инкорпорировать в свои ряды наиболее активных представителей масс, институциональные размерности элиты радикально изменились. Институт региональной элиты был разрушен и по сегодня не восстановлен полностью. Элиты оказались полностью оторванными от управляемых масс, тем самым нарушаются ориентиры для выработки долгосрочных социальных стратегий. Социальный слой все более превращается в касту.

В течение 90-х годов и начала «нулевых» структура элит и формы коммуникации с населением были сформированы не за счет оформления института, а за счет личной активности губернатора В.И. Ишаева. Ему удалось, отчасти, воссоздать систему, существовавшую в предшествующий период, отчасти, сконструировать новую, ликвидировать или, по крайней мере, погасить конфликт элит, происходящий в первой половине 90-х годов. За счет личного влияния

на директорский корпус он смог частично восстановить консенсус между бизнесом, властью и населением.

Однако харизматический лидер не может заменить собой института, по крайней мере, на длительный срок. Вместе со сменой губернатора проблема взаимодействия между элитами в регионе и между элитами и населением вновь обостряется.

Литература и источники:

1. Бляхер, Л. Феномен успеха и фискальные стратегии во властном пространстве: сеанс одновременной игры / Л. Бляхер, Д. Канарский // Вестн. Хабар. акад. экономики и права. – 2000. – № 2. – С. 17 – 26.

2. Панеях, Э. Формальные правила и неформальные институты их применения в российской экономической практике / Э. Панеях // Экономическая социология. – 2001. – № 3 (www.ecsoc.msses.ru)

3. VIP-парад уходящего года // http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13012

4. Говорухин, Г. Э. Власть политики и власть пространства. (Принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке) / Г. Э. Говорухин. – Комсомольск-на-Амуре : КнАГТУ, 2008.

5. Ремнев, А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков / А. В. Ремнёв. – Омск : ОмскГУ, 2004.

6. Кабузан, В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX века (1640 – 1917) / В. М. Кабузан. – М., 1985.

7. Бляхер, Л. Е. Политические мифы Дальнего Востока России / Л. Е. Бляхер // Полис. – 2004. – № 5.

8. История Дальнего Востока СССР: период феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – Владивосток, 1983.

9. Унтергербер, П. Ф. Приамурский край в XIX веке / П. Ф. Унтербергер. – Спб. : 1900.

10. Ишаев, В. И. Особый район России / В. И. Ишаев. – Хабаровск, 1998.

11. Бляхер, Л. Е. (ред.) Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса (на примере мелких предпринимателей и самозанятых) / Л. Е. Бляхер. – М. : МОНФ. 2000.